

Часть шестая. «Коммуна побеждена! Да здравствует Коммуна!»

Можно ли называть жизнью бесконечную вереницу дней, наполненных лишениями, издевательствами, болью? Немыслимо далекой представляется синева неба; недоступна для ладоней шелковистая зелень травы; вместо хлеба — гнилые, червивые сухари; ночью — мучительный сон на кишасей вшами охапке соломы, а то и просто на мокрой от дождя или промерзлой земле! И — безнаказанная грубость тюремщиков, безжалостные тычки и побои и ружейные залпы неподалеку, когда расстреливают друзей. И мутная лужа посреди двора Сатори, откуда приходится черпать воду для питья, когда жажда становится непереносимой. Вода в луже розовата от крови: в ней палачи моют руки после очередных экзекуций и в довершение надругательства над арестантами отправляют возле естественные потребности... И так не день, не два и не три, а почти восемьсот дней — из тюрьмы в тюрьму, из каземата в каземат!

Если бы совсем недавно кто-нибудь сказал Луизе, что человек способен вынести такое и не сойти с ума, не умереть, остаться в душе человеком, она ответила бы: невысказано, невероятно! А именно такая жизнь началась для нее с той первой ночи в Сатори. Но сколько раз на том тернистом пути ей довелось восторгаться силой духа, мужеством, бесстрашием и добротой товарищей по несчастью!

Да, ей повезло: с начала тюремных скитаний и до последнего их часа всегда чувствовала рядом родное плечо — со многими встречалась в Комитете женщин, на клубных собраниях, сражалась на баррикадах Монмартра и Бельвиля.

В ту первую саторийскую ночь в тесном помещении, куда загнали женщин, этапированных с 37-го бастиона, Луиза встретила Мальвину Пулен, Экскоффон со старенькой матерью, жен Мильера, Дерера и Варуа. Они еще не знали о судьбе мужей, забросали Луизу вопросами. Она рассказала, что Дерера и Варуа видела вчера на баррикадах улицы Ла-Рокетт, — они сражались как львы.

— А вы, госпожа Мильер, — Луиза повернулась к худенькой, большеглазой женщине, судорожно стиснувшей на груди руки, — вы должны призвать на помощь свое мужество. Вы вправе гордиться: ваш Жан Баптист не опозорил себя. Его силой поставили на колени менаду колоннами Пантеона, и он умер с криком: «Да здравствует Республика! Да здравствует человечество!» О расправе мне рассказали на Пер-Лашез. Представьте,

негодяи привезли к Пантеону и мертвого Рауля Риго с рассеченной головой, набитой соломой!

Мильер беззвучно рыдала, плечи тряслись.

— Он так любил жизнь, мой Жан...

В ту тюремную ночь Луиза готовилась к смерти. Проходя в воротах Сатори мимо дежурного, она, как и другие, назвала себя, и надзиратель махнул помощнику рукой:

— Эту можешь не обыскивать! Ночью наверняка шлепнут!

Она не могла уснуть. Мысленно прощалась с родными и близкими, жалела, что в предсмертный час лишена возможности передать им слова последнего привета, поблагодарить за то доброе, что они сделали и дали ей. Мама Марианна, Теофиль, Мари, Аня Жаклар, Андре Лео... Вереница дорогих лиц проходила перед ней, знакомые голоса явственно звучали в наполненной хрипами и стонами камере...

Луиза вставала, бродила между распластанными на полу телами, подходила к единственному окну. Смотреть в него запрещалось: часовым приказано по окнам стрелять. Но и глядя сбоку, Луиза видела во дворе темные силуэты лежавших на земле. Иногда становилось светлее, — с фонарями или факелами тюремщики проводили мимо группы людей, лица в темноте неразличимы. Вскоре доносились выстрелы... Этот путь предстояло проделать и ей...

Утром, когда, словно подачку собакам, им бросили по сухарю, Луиза отдала свою порцию старенькой Экскоффон. В ответ на удивленный взгляд тихо сказала:

— Мне, наверно, уже не надо, мадам...

Но ей не суждено было так скоро и так легко умереть, она только вступала на свой крестный путь. Ее вызвали в начале дня. Оставшиеся в камере попрощались с ней, словно со смертницей. И впереди конвоира она шагала с убеждением, что идет умирать. Прощальным взглядом смотрела в прояснившееся под утро небо, по нему плыли розовые облака.

В комнате, куда ее привели, за столиком восседал немолодой усатый жандарм с тяжким, давящим взглядом. Недобро оглядев Луизу, он принялся допрашивать: где была и что делала в такие-то и такие дни.

— А на похоронах Виктора Нуара были?

— Да!

— А где восемнадцатого марта?

— В Ратуше! — Она отвечала дерзко, терять нечего.

Рыхлое лицо следователя заметно покраснело. И когда в ответ на последний вопрос, где была во время боев, Луиза ответила: «Там, где были все честные, — на баррикадах!» — он вскочил и с яростью стукнул кулаком по столу, сломав перо.

— В Версаль! В Версаль эту...

Но отправили ее не сразу — ждали, когда наберется для этапа группа.

В те дни и позже, в версальской тюрьме Шантье, она то и дело встречала знакомых. Каждый день в камерах появлялись «новенькие», — повальные аресты и расправы продолжались по всему Парижу. Как-то Луизе показали обрывок газеты «Фигаро»: «Мы должны расправиться, как с дикими зверями, с теми, кто еще прячется, пощада была бы в данное время безумием!»

Она с жадностью набрасывалась с вопросами на каждого, приходившего с воли, — надеялась узнать о Теофиле. После побоища на Пер-Лашез, где, как стало известно, убили более полутора тысяч коммунаров, еще какое-то время держались баррикады на улицах Фобур-дю-Тампль и Рампонно. На первой из них кто-то видел Теофиля и его брата Ипполита, по что с ними стало позже — никто не знал. Может быть, убиты. Ведь только в казарме Лобо расстреляно более двух тысяч пленных и «подозрительных», — там убивают сразу по пятьдесят — сто человек из митральез. Говорят, у Сены появился новый приток: ручей крови из ворот казармы Лобо. В мэрии пятого округа, в Левобережье, безжалостно перебиты мальчишки-курьеры. По всему Парижу, в парках и скверах, роют длинные траншеи, где сжигают трупы, облив их керосином и смолой.

Рассказывали о трагической смерти Варлена. Он и Гамбон во главе десятка бойцов до последней возможности защищали баррикаду Рампонно, но, когда патроны кончились, им пришлось отступить. Измученный голодом и усталостью, Варлен свалился без чувств на улице Лафайет, его опознал проходивший мимо священник. Схватили, связали за спиной руки, и часа три толпа буржуа водила его по Монмартру, издеваясь и избивая. Орали: «Слишком рано убивать, тащите дальше!» Выбитый, вытекший глаз безжизненно висел на разбитом окровавленном лице. Пристрелили Варлена уже бесчувственного, на перекрестке улиц Лабони и Розье, — он не стонал, не молил о пощаде...

Таким был Париж в те дни.

В Шантье было все же легче, чем в Сатори. Женская камера, довольно просторная, помещалась на втором этаже, на первом содержались дети погибших коммунаров. Первое время и здесь приходилось спать на голом полу, лишь спустя две недели арестанткам разрешили набрать во дворе по охапке соломы. Кое-кому разрешили свидания и передачи.

Но тюрьма, конечно, оставалась тюрьмой. Дни тянулись удручающе медленно, заполненные ожиданием и воспоминаниями. Никто из узниц не ждал от будущего ничего хорошего, большинство пойдет под суд неправый и жестокий, а потом — та же тюрьма или ссылка. Луиза прекрасно понимала: уж кому-кому, а ей не следует тешить себя пустыми надеждами. Да она, по правде говоря, и не ждала и не приняла бы милости от судей. Ах, если бы не мучили мысли о Марианне!

Но вот — словно в затхлую тьму ворвался луч солнца — пришла записочка от Теофиля, пришла через руки, из которых Луиза никогда не ожидала ее получить. Однажды во время прогулки на тюремном дворе Луизу остановила старшая надзирательница.

— Мишель! С вами хочет поговорить аббат Фоллей.

Луиза поморщилась, пожала плечами: зачем она понадобилась представителю господа бога в этой преисподней? Оглянулась. Фоллей стоял неподалеку, сложив на животе руки, смотрел с пристальным, зовущим вниманием. И хотя Луиза только что собиралась фыркнуть и продолжать прерванную прогулку, взгляд аббата удержал ее. Она подошла, надзирательница издали следила за ней. Луиза спросила насмешливо:

— Что монсеньору угодно от жалкой узницы?

Оливковые глаза смотрели на нее спокойно и приветливо, скорбно сжатые губы тронула ироническая улыбка.

— Вы ни разу не пришли к мессе, мадемуазель Мишель, — негромко сказал Фоллей без всякого укора. — А мне необходимо поговорить с вами...

Прежде всего Луиза подумала о Марианне: вероятно, мать повидалась с тюремным священником, упросила его как-то помочь дочери.

Фоллей скосил глаза на надзирательницу, та продолжала наблюдать за ними.

— Да будет вам известно, мадемуазель, что моими подопечными являются и узники одиночной версальской тюрьмы — мужчины. Среди них — человек, которого я весьма и весьма уважаю, — Теофиль Шарль Ферре.

Луиза пошатнулась.

— Он жив?!

— У меня письмо от него к вам. Но здесь я не могу вам передать. Вас обыщут и отнимут, даже не успеете прочитать. Уверуйте на время в бога, мадемуазель, — он опять иронически усмехнулся, — придите на исповедь. Ведь даже закоренелые, погрязшие в грехе безбожники в часы испытаний могут прибегнуть к помощи всевышнего.

И, не ожидая ответа, пошел к воротам размеренной, неторопливой походкой, подол сутаны вздымал пыль с камней мостовой.

У Луизы будто внезапно широко распахнулись глаза: впервые за последние недели увидела синюю эмаль неба, услышала звонкий щебет воробьев.

Невероятно медленно тянулись следующие два дня! Но все проходит, прошли и они, и в воскресенье Луиза оказалась в темной, пропахшей воском и ладаном камерке исповедальни. Из квадратного окошечка на нее глянули едва различимые грустные и умные

глаза.

— Не будем говорить о ваших грехах, мадемуазель. Возьмите. У вас, вероятно, нечем писать? Возьмите и это...

Он передал Луизе записку и маленький карандаш.

— Надеюсь, теперь вы станете одной из набожных моих прихожанок...

С трудом Луиза дождалась конца мессы. И в камеру не шла, а будто летела, стискивая записку в запотевшей от волнения ладони. Забившись в угол, подальше от посторонних глаз, читала и перечитывала:

«Думаю, Вас порадует мое сообщение — много хороших и умных людей находятся в безопасности. Вам, вероятно, хорошо знакома моя манера смотреть на вещи. Поэтому, без сомнения, Вас не удивит, если я скажу, что наши идеи в конце концов победят. Мы сейчас были побеждены, ну что же! Если не мы, то наши братья возьмут реванш. Так какое же имеет значение, если я, например, в это время уже не буду жить? Я знаю храбрость и энергию моих товарищей по борьбе и уверен, что моя казнь только увеличит их рвение и сделает еще более необходимым справедливое возмездие... Вместо того чтобы огорчаться нашими неудачами, проанализируйте лучше их последствия, и вместе со мной Вы убедитесь, что никогда социализм не был так необходим, как сегодня!»

Значит, он ждет казни! Да разве и может быть иначе?! Ведь и ты не думаешь, что они сохраняют тебе жизнь. Так набирайся же мужества, чтобы не споткнуться по дороге к смертному столбу!

С того дня тюремная жизнь обрела для Луизы новый смысл, наполнилась содержанием тем более значительным, что день суда над Ферре приближался. Теофиль писал ей, что вначале думал отказаться от выступления, наверняка зная, что трибунал будет грубой фальсификацией разбирательства, но позднее пришел к выводу, что и судебную трибуну необходимо использовать для обличения версальской камарильи. «Надо сделать так, чтобы трибунал превратился в суд Коммуны над тьерами и мак-магонами», — писал он, прилагая к записке черновик заявления суду:

«Господам членам Третьего Военного трибунала.

Принимая во внимание, что я имел честь быть избранным членом Парижской Коммуны тринадцатью тысячами семьями голосами Восемнадцатого округа; что я принял этот мандат и моим долгом было честно его выполнять; что Коммуна пала, ее члены убиты или арестованы, а характер их личностей, их действий, их учения и намерений сознательно извращен и истолкован самым лживым и гнусным образом; принимая во внимание, что главные вожди Парижской Коммуны, убитые, арестованные или вынужденные скрываться, стали объектом подлой и недостойной клеветы и не имели возможности доказать истину и заклеить клеветников...»

Теофиль излагал содержание будущего выступления, и Луиза с гордой радостью думала, что тюрьма и черный призрак казни не сломили его, он остался борцом, таким же чистым рыцарем Революции, каким она знала его в жизни на свободе.

По примеру Теофиля она стала готовиться к суду, составляла и записывала обличительные фразы, намереваясь бросить их в лицо судьям и обвинителям. Что ж, Луиза, жизнь на земле не обрывается с нашей гибелью, и ты обязана дать во имя будущего последний бой.

Однажды, в конце июля, ее вызвали на свидание. В сумрачном помещении с зарешеченными, запыленными окнами увидела свою мать и сестру Теофиля. Мари осунулась и постарела, Луизе показалось, что в волосах девушки серебрится седина. Но и Мари, и мать держались мужественно. Марианна просила Луизу не беспокоиться о ней: помогают сестры и брат, она не пропадет, «лишь бы ты, Луизетта, осталась жива».

Открыто говорить о судах и следствии при тюремщиках было невозможно, но из иносказаний Мари Луиза поняла, что Лоран Ферре гоже арестован, а мать увезли в больницу умалишенных в приюте Святой Анны. Потерял рассудок брат Мари, Ипполит, но его и больного держат в тюрьме. Так что Мари осталась одна-одинешенька, приходится выполнять любую работу, чтобы купить кусок хлеба и собрать передачу. И все же Марианна и Мари принесли Луизе корзинку еды — хлеб, мясо, овощи. Вернувшись в камеру, она раздала все до последнего куска, — не могла набивать себе рот, когда на нее смотрят сотни голодных глаз. Оставила себе не больше, чем давала другим.

Теперь время для нее текло иначе: каждый день, как он ни длился, приближал суд над Теофилем и — неизбежно — его казнь. Ферре сидел в версальском Дворце правосудия, в крохотной одиночной камере, а сотни палачей на свободе «работали» на его смерть, и не было силы, которая могла бы эту жестокую и бездушную машину остановить. Объявили, что председателем суда над коммунарами назначен Мерлен, а прокурором — батальонный командир Гаво, — от солдафонов, ненавидевших Коммуну, не приходилось ждать ни объективного рассмотрения дела, ни снисхождения. «Можно считать, что смертный приговор у меня в кармане», — горько шутил Теофиль в одной из записочек.

Накануне суда, шестого августа, он прислал Луизе очередное письмо. Прощаясь, зная ее исступленный характер, он призывал к спокойствию и разуму.

«Интересы нашего дела, — писал он, — требуют свободы его защитников. Можно сохранять достоинство, не будучи, однако, наивной. Советую не забывать моих замечаний и попытаться поскорее выбраться из этого осинового гнезда. Постарайтесь быть достаточно спокойной, чтобы обмануть их ожидания, не злоупотребляйте Вашим великодушием...»

Она полагала, что записка эта — последняя, что Теофиля убьют сразу же после приговора, как убивали многих. Она не знала, что, желая продлить душевную пытку, приговоренного к смерти Ферре будут еще три с лишним месяца держать в одиночной камере. Больше ста дней он будет ждать, что за ним вот-вот придут, прислушиваться к шорохам и шагам в коридоре, ждать, ждать, ждать... А напоследок они посадят к нему... безумного брата!

О том, как шел суд, какую речь произнес Теофиль, она узнала из газетных вырезок, переданных ей аббатом Фоллеем.

«Я, член Коммуны, нахожусь в руках ее победителей, — сказал в заключение Ферре. — Они требуют моей головы. Пусть они возьмут ее! Низостью я никогда не захочу спасти своей жизни. Свободным я жил, свободным и умру! Еще одно последнее слово: судьба капризна. Пусть будущее сохранит мою память и отомстит за меня!»

Вместе с Ферре осудили еще семнадцать коммунаров и членов ЦК Национальной гвардии, в том числе Асси, Журда, Лисбонна, Груссе, Курбе, но лишь Ферре и Люлье приговорили к расстрелу.

В течение всей последующей жизни Луиза не могла позабыть безысходного отчаяния тех дней. Ни на минуту, ни на секунду не уходил из памяти образ Теофиля, ожидающего в смертной камере, когда за ним придут, чтобы отвести на Саторийский плац. Утонченная жестокость тюремщиков приводила ее в неистовство.

В дополнение ко всем тревогам от следователя капитана Брио она узнала об аресте брата Марианны и его сыновей — Даше и Лорана, — у первого из них осталось голодать и бедствовать четверо детей. И не было ни малейшего сомнения, что это она, Луиза, — виновница обрушившихся на родню бед. Сознание этого удесятряло ее муки.

Нервы не выдержали, она дерзила и грубила тюремщикам, рисовала углем на стенах карикатуры на Тьера и Галифе, в полный голос распевала революционные песни, а однажды разбила о голову надзирателя бутылку с молоком, переданную ей Марианной.

Так она надеялась добиться ускорения следствия и суда, но ее выходки закончились тем, что, стяжав себе славу самой отчаянной зачинщицы всех беспорядков в Шантье, она в числе сорока других «буйных и непокорных» оказалась в исправительной тюрьме Версаля. Так оборвалась последняя ниточка, незримо связывавшая ее с Ферре.

Она боялась, что сойдет с ума, — в крошечном тюремном аду многие лишались рассудка, в закрытых фургонах их увозили неведомо куда... И — сны, теперь ее мучили кошмарные сны: темные, бешеные потоки несли ее, а где-то впереди, в непроглядной тьме, будто бы убивали Теофиля и рыдала мама Марианна. Однажды приснилась ей лошадь со сломанными ногами, голову которой она когда-то держала на коленях, по потом оказалось, что это голова Теофиля, тяжелая и неподвижная. И несколько раз снилось совсем позабытое. Давно-давно, в замке Вронкур, повар отрубил утке голову, и она, безголовая, вырвалась из его рук и, нелепо размахивая крыльями, носилась по двору, брызжа на всех кровью...

Проснувшись на охапке грязной соломы, Луиза долго лежала, придавленная ощущением сна, и думала, что она и ее товарки по камере похожи на обезглавленную утку...

Несмотря на владевшее ею отчаяние, иногда сами собой вспыхивали в измученном мозгу стихотворные строки:

█

Версаль, старая распутница!
На плечах у нее — саван вместо плаща,
Под истрепанным платьем
Она прячет младенца — Республику.
Бедное дитя! Оно покрыто проказой преступлений.
Скрывая его под своим тряпьем,
Старуха позорит его великое имя.
Что нужно ей, чтобы чувствовать свое могущество?
Ей нужны крепкие стены, солдаты и развратницы.
А рядом с пей, изнывая под позорным гнетом,
Спит Париж сном кладбища...

В ноябре, неизвестно почему, Луизу перевели в Аррасскую тюрьму. Здесь все было так же, как и в прежних тюрьмах: голод, вонючие камеры, по ночам напоминавшие громадные мертвецкие, злоба и жестокость тюремщиков.

Дни, дни, дни, одинаковые, как капли дождя. Бесконечное ожидание и такое нетерпение, что хотелось выть и до крови кусать руки...

В ночь на двадцать восьмое ноября надзирательница разбудила Луизу и отвела в контору. Там сказали, что ее повезут в Версаль, зачем — они и сами, наверно, не знали: было приказано привезти. Кутаясь в потрепанную жакеточку, под конвоем двух жандармов Луиза затемно вышла из ворот. Падал крупный снег, улицы лежали безлюдные и удивительно чистые от снега, сквозь облака просвечивали звезды.

На вокзале пришлось около часа ожидать парижского поезда. Изнуренная, с горящими глазами, в обтрепанном платье, сопровождаемая жандармами, Луиза привлекала всеобщее внимание. Какой-то пшют в дорогом пальто и цилиндре, с издевательской усмешкой рассматривая в монокль Луизу, заметил:

— Кажется, утром в Сатори собираются казнить коммунаров? Вы не из их компании, мадам?!

— Из их! — с яростью крикнула Луиза. — И помните, негодяй, это лишь ускорит народный суд над версальцами!

Жандармы силой увели Луизу в соседний зал, а вскоре подошел поезд. Луиза озябла в легкой одежде, и даже жандармы посматривали на нее с сочувствием. Может быть, именно поэтому, когда на Версальском вокзале она издали увидела Мари Ферре, она решилась попросить конвоиров разрешения поговорить с ней. Жандармы переглянулись и разрешили Луизе отойти.

— Что, Мари? У вас в лице ни кровинки.

— Ах, Луиза, Луиза! — И, навзрыд заплакав, Мари протянула бумажку, на которой Луиза сразу узнала четкий, твердый почерк Теофиля. Он писал:

«Версальская одипочная тюрьма, камера № 6.

Вторник, 28 ноября 1871 г., 51/2 часов утра.

Дорогая сестра.

Скоро я буду мертв. Прошу тебя, потребуй, чтобы тебе выдали мое тело, и похорони его вместе с телом нашей несчастной матери. Само собой разумеется, никакого церковного обряда: я умираю, как и жил, материалистом.

Преодолей свое горе и будь на высоте положения, как ты мне не раз обещала. Что до меня, то я счастлив: приходит конец моим мучениям, и потому жаловаться мне не на что. Все мои бумаги, платье и другие вещи должны быть выданы тебе, за исключением денег, которые я оставляю в конторе для менее несчастных заключенных. Т. Ферре».

Луиза обхватила Мари за плечи, и они долго молча плакали. Подошел один из жандармов, тронул Луизу за локоть:

— Нам пора.

Позже, как ни старалась, Луиза не могла припомнить подробностей очередного допроса в Шантье. Смотрела в ненавистное лицо капитана Брио и не видела ничего, бессвязно отвечала на вопросы... Теофиль умер... Теофиль мертв!

Новый отсчет времени пошел для нее с того дня. Все кругом как будто стало иным, на все упала тень этой преждевременной смерти. Нет, она не собиралась следовать советам покойного — вести себя осторожно и тихо. Она решила сказать судьям и палачам все, что скопилось в душе, хотя бы словами отомстить за Теофиля. Пусть знают проклятые, что коммунаров не запугать видением виселицы, гильотины или смертных столбов Саторийского поля!

Подробности казни Ферре она узнала позже, уже вернувшись в Аррасскую тюрьму. Через неделю приехала из Парижа Мари, — часть продуктов, переданных Луизе, была завернута в номер «Либерте», где описывалась с казнь. Бесчисленное количество раз Луиза читала и перечитывала газетные строчки:

«На поле Сатори с шести часов утра выстроены в виде каре войска под командованием полковника Мерлена, того самого, который председательствовал на суде, приговорившем Ферре к казни. В семь часов бьют барабаны: это на поле появляется процессия с осужденными. Она направляется к середине каре. Экипажи останавливаются, Ферре, Россель и Буржуа выходят и твердым шагом идут к роковым столбам под звук барабанной дроби. Водворяется гробовая тишина, начинается чтение приговора. Ферре продолжает спокойно курить сигару. Прислонившись к столбу, он бросает на землю свою шляпу. Подбегает сержант, чтобы завязать ему глаза, но Ферре берет повязку и бросает ее на шляпу. Трое осужденных остаются одни у своих столбов, три карательных взвода, быстро приблизившись, дают залп. Россель и Буржуа тотчас после залпа падают на землю; Ферре еще один момент держится на ногах, потом падает на правый бок. Главный полевой хирург, господин Дежардэн, спешит к трупам; он делает знак, что Россель мертв, и подзывает солдат, чтобы пристрелить Ферре и Буржуа».

Прочитав газету, Луиза потребовала, чтобы ее отвели в тюремную канцелярию, и там написала письмо генералу Апперу, требуя суда и казни для себя. Она писала: «Вам известно достаточно о моей деятельности, а поле Сатори находится недалеко. Вы все прекрасно знаете, что, если я выйду отсюда живой, я буду мстить за мучеников. Да здравствует Коммуна!»

Ответа она не получила.

Луиза попросила Мари привезти ей черное платье и такую же вуаль, — она считала, что имеет право носить траур по Теофилю Ферре...

Теперь ее беспокоило лишь одно: не заболеть бы, дожить до суда. Зима стояла холодная и снежная, а в старом замке Оберив, превращенном в смиренный дом и исправительное заведение, было сыро и холодно, многие арестанты, ослабев на скудной тюремной еде, простужались, болели и умирали.

К счастью Луизы, в эти трудные для нее дни с ней были Натали Лемель, Экскоффон и Пуарье, они ухаживали за ней, не дали впасть в отчаяние. Особенно внимательна и заботлива оказалась Натали.

— О, Луиза, мы не должны поддаваться унынию, — говорила она. — Зачем доставлять радость нашим врагам? Я не боюсь смерти, ты это знаешь, но я была бы счастлива дожить до победы новой Коммуны, а что победа будет, я ни капельки не сомневаюсь. И если версальские судьи сохранят мне жизнь, я всю ее, до последней секунды, отдам делу нашей победы... Мужество, мужество и еще тысячу раз мужество, дорогая моя!

Сама Натали Лемель тоже пережила часы и дни тяжелого душевного потрясения. После того как пала последняя парижская баррикада, Натали, вернувшись домой, заперлась в комнате с жаровней горящих угольев: ей казалось, что все потеряно, что дальше жить не стоит. Она уже потеряла сознание от угарного газа, когда жандармы взломали дверь квартиры. Ее спасли от верной смерти для того, чтобы осудить и отправить в далекую каторжную ссылку.

Одиннадцатого декабря Луизу наконец вызвали в канцелярию тюрьмы и вручили повестку — вызов в суд. Она принялась готовиться к своему последнему, как она полагала, бою. В Обериве уже знали о подробностях суда над Ферре и его товарищами. Триста мест в зале суда было предоставлено членам Национального собрания, и на все семнадцать заседаний суда версальская камарилья являлась почти в полном составе во главе с Тьером, Мак-Магоном и Галифе. Ведь Тьер сам возглавлял следствие по делу Коммуны и теперь, сверкающий орденами и регалиями, пожинал плоды многодневного труда. Со многими обвиняемыми у него были личные счеты: он не позабыл ни карикатур, ни статей, ни «недоноска Футрике».

Зал суда, вмещавший около трех тысяч человек, в те дни был полон до отказа: генералы и офицеры, банкиры и фабриканты, «святые отцы» и великосветские дамы — весь «высший свет» наслаждался предвкушением жестокого приговора.

Если судилище над Луизой будет обставлено так же помпезно, ей найдется кому бросить в лицо слова презрения и ненависти. Нет, не себя она собиралась защищать, она хотела очистить Коммуну от клеветы и подлых наветов, воздать должное ее героям и мученикам.

До суда оставалось пять дней, и она потратила их на то, чтобы подготовиться к нему. Луиза и ее подруги по камере были убеждены, что ее ждет смертный приговор: она была самой известной из защитниц Коммуны, — Елизавете Дмитриевой и Ане Жаклар удалось скрыться...

Шестнадцатого декабря в закрытой тюремной карете Луизу привезли в суд. Она не ошиблась: весь «цвет нации» собрался посмотреть на знаменитую «мегеру» Коммуны, о мужестве и храбрости которой слагались легенды. В черном траурном платье и такой же вуали она шла через зал к своему месту под злобный шепот, улюлюканье и свист. О, она и не ждала от «этого» Парижа иной встречи: здесь собрались только враги. И лишь сидевшие где-то в дальних рядах Мари Ферре, мама и еще несколько женщин смотрели со слезами жалости и восхищения.

Держалась Луиза спокойно и гордо. С холодным презрением рассматривала «высший свет», собравшийся поглазеть на нее, судей, прокурора, охранявших ее жандармов. Вот, Луиза, и кончается твоя жизнь, эти упитанные солдафоны не могут ни понять тебя, ни простить, им чуждо и враждебно все, что дорого тебе.

Ответив на обязательные вопросы судьи полковника Делапорта, она слушала, как, подчеркивая чуть не каждое слово, секретарь суда читал обвинительное заключение, а сама ряд за рядом оглядывала зал, надеясь отыскать мать. Ну конечно же она не могла не прийти, — вон она, и рядом с нею Мари, самые близкие ей люди.

Когда секретарь закончил чтение, судья спросил Луизу, есть ли у нее адвокат и, если нет, желает ли она, чтобы ее защищал адвокат, назначенный судом.

Луиза встала:

— Я не хочу защищаться, я не хочу и того, чтобы меня защищали! Я всецело принадлежу социальной революции и готова принять на себя ответственность за все свои действия. Вы упрекаете меня за участие в казни генералов. Я отвечу вам: они осмелились стрелять в народ, и, будь я там, я не задумалась бы приказать стрелять в тех, которые отдавали такие приказания!

Издали она видела, что Марианна плачет, не вытирая слез, глаза и щеки у нее блестели. Волна нежности и сострадания захлестнула Луизу, и она не особенно внимательно слушала выпренную и злобную речь прокурора. Толстый, рыхлый Дальи, чем-то напоминавший судью Дельво, с нескрываемой ненавистью поглядывая на Луизу, говорил:

— Тесно связанная с членами Коммуны, обвиняемая Мишель знала все их планы. Она помогала им всеми силами, своей волей, более того, часто пыталась их перещеголять. Она предложила отправиться в Версаль и убить президента республики... Таким образом, она не менее виновата, чем «гордый республиканец Ферре», которого она защищает столь

странным образом... Она разжигала страсти толпы, проповедовала войну без пощады... Все это и дает мне основания требовать для обвиняемой Мишель смертного приговора.

Луиза только усмехнулась: другого и не ожидала. Со скорбной жалостью глянула она туда, где сидела Марианна, но лица матери не увидела: та плакала, закрыв глаза ладонями. Бедная ма! Хорошо, что рядом с пей Мари, она не покинет ее, не бросит.

В последнем слове Луиза сказала:

— Да, я участвовала в поджоге Парижа! Я хотела противопоставить вторжению версальцев барьер огня. У меня в этом не было сообщников, я действовала только по собственному почину. Вы утверждаете, что я была сообщницей Коммуны. Конечно, потому что Коммуна стремилась к социальной революции, а социальная революция — самое заветное мое стремление. Я горжусь тем, что участвовала в создании Коммуны! И то, что я требую от вас, называющих себя военным судом и считающих себя моими судьями, — это Саторийское поле, где пали мои братья. По-видимому, всякое сердце, которое бьется за свободу, имеет у вас одно только право — право на кусочек свинца. Я требую для себя этого права. Если вы оставите мне жизнь, я не перестану кричать о мщении, я буду призывать своих братьев отомстить убийцам из «Комиссии помилования»!

Полковник Делапорт стукнул кулаком по столу:

— Это пропаганда! Я лишаю вас слова!

— Я кончила! — ответила Луиза, садясь на скамью. — Если вы не трусы, убейте меня!

Пока судьи совещались о приговоре, Луиза с отвращением разглядывала сытые, довольные лица в первых рядах кресел, ордена и аксельбанты военных, шелковые рясы духовенства, модные прически и украшения дам. А отделенная от нее многими рядами кресел старенькая Марианна Мишель продолжала плакать, закрыв лицо. Да, нелегко быть матерью такой дочери.

Но судьи все же не посмели ее убить. По окончании совещания важный и напыщенный Делапорт объявил:

— ...На основании вышеизложенного и на основании указанных статей — к содержанию в крепости и ссылке в Новую Каледонию — бессрочно!

Зал загудел разочарованно: он ждал и жаждал крови. По вспыхнули живой радостью глаза Мари и Марианны: какая и куда угодно ссылка все же не смерть!

А Луиза, откинув с лица траурную вуаль, крикнула судье:

— Я не нуждаюсь в ваших подачках. Я предпочла бы умереть!

А что же было потом, что дальше?

Еще двадцать месяцев Оберивской тюрьмы, долгое плавание на «Виргинии», зной Атлантики и холод южных ледовитых морей, раскаленные камни Новой Каледонии. И дружба с канаками, и их восстание против «злых белых», и красный шарф времен Коммуны, самое дорогое, что у тебя было, отданный восставшим как знамя... И отрубленная голова вождя Атаи, отправленная в банке со спиртом в далекий Париж — вещественное доказательство победы цивилизованной Франции над голыми и голодными туземцами. И удачный побег Анри Рошфора и его пяти товарищей, и гибель двадцати других...

И — после амнистии — триумфальное возвращение в Париж, и снова работа во имя будущей Коммуны. И снова аресты и тюрьмы, и мрачные камеры Сен-Лазара, и выстрел спровоцированного священником одураченного Люка, — тебе самой пришлось просить для Люка снисхождения у суда. И жизнь в изгнании — в чопорной и холодной Англии, и написанные тобой книги, куда ты вкладывала всю душу, всю тоску по справедливости и добру. И вера в будущую мировую Коммуну, вера, которая по угасала в тебе всю жизнь!

И слова, сказанные тобой в девятьсот пятом году: «Вот увидите: в стране Горького произойдут грандиозные события. Я уже чувствую, как она поднимается, как она растет, эта революция, которая сметет царя и всех его великих князей и славянскую бюрократию и перевернет вверх дном весь этот огромный «Мертвый дом».

Да, вся твоя долгая и трудная жизнь, Луиза, была озарена светом Коммуны, и, если бы не этот свет, насколько была бы она беднее. «Ничего для себя» — было девизом всей твоей жизни.

Версия #1

Зверобой создал 23 июня 2025 23:04:30

Зверобой обновил 23 июня 2025 23:05:27